

3. Андрухович Ю.І. Перверзія. Роман. Львів : ВТНЛ-Класика, 2004. 304 с.
4. Андрухович Ю.І. Рекреації. Роман. Львів : ЛА «ПІРАМІДА», 2005. 144 с.
5. Андрухович Ю.І. Таємниця. Замість роману / худож.-оформлювач І.В. Осипов ; фото на обкладинці С. Шлеєр. Харків : Фоліо, 2007. 478 с.
6. Андрухович Ю.І. Carpatholgia cosmophilica (Спроба фіктивного краєзнавства). *Сучасність*. 1997. №3. С. 29–34.
7. Єрмоленко С.І., Андреева О.А. Семантико-структурна характеристика порівняльних лексем та конструкцій (на матеріалі прози Оксани Забужко). *Мова. Свідомість. Концепт*: зб. наук. статей. МДПУ ім. Б. Хмельницького, 2015. Вип. 5. С. 17–20.
8. Єрмоленко С.І., Грушкіна Ю.О. Порівняльні конструкції в прозі Євгена Положія (на матеріалі роману «Риб'ячі діти»). *Мова. Свідомість. Концепт*: зб. наук. статей. Мелітополь : ФОП Однорог Т.В., 2018. Вип. 9. С. 18–22.
9. Єрмоленко С.І., Іщук Г.В. Специфіка порівняльних конструкцій у системі сучасної української літературної мови (на матеріалі прози Юрія Андруховича). *Мова. Свідомість. Концепт*: зб. наук. статей. Мелітополь : ФОП Однорог Т.В., 2018. Вип. 8. С. 59–61.

Ермакова Е.Н.

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри белорусского языка

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,

Республика Беларусь

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЖИЗНИ И СУДЬБЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РЫГОРА БОРОДУЛИНА

Аннотация. В статье рассмотрены метафоры жизни и судьбы в поэтических текстах Р. Бородулина. Указанные понятия являются концептуальными и содержат значительные пласты имплицитных смыслов. Концепты жизнь и судьба составляют ядро национального и индивидуального сознания, оказывают серьезное влияние на ход мыслей человека. Часто мысль представляется в форме метафоры, которая как языковой инструмент позволяет осознать абстрактные понятия.

Ключевые слова: концепт, метафора, картина мира, жизненный путь, судьба

Судьба человека, его неповторимый индивидуальный жизненный путь являются объектом изучения целого комплекса наук – философии, социологии, психологии, истории, этнографии... Антропоцентричность – ведущая черта искусства, которое всегда «видит» мир сквозь призму человека и его жизни. Поэтический мир, по мнению Ю.М. Лотмана, с одной стороны, представляет собой модель реального мира, а с другой стороны, сложным образом соотносится с ним. Поэтический текст – это диалектический механизм поиска истины, объяснения окружающего мира и ориентировки в нем. «Цель поэзии заключается не в поиске особых приёмов, а в познании мира и общении между людьми, самопознании, самопостроении человеческой личности в процессе познания и коммуникации. В конечном итоге цель поэзии совпадает с целью культуры в целом» [4, с. 131].

Картина мира – центральное понятие концепции человека, как идеальное образование выражается знаковыми формами, например, такой, как язык. Именно язык дает возможность реконструкции сознания, потому что это – «пространство смыслов, в котором живет человек» [3, с. 44].

Дать характеристику наиболее значимых, базисных представлений человека о мире можно через анализ культурно значимых концептов. Такие универсальные понятия, как жизненный путь и судьба составляют ядро национального и индивидуального сознания. Рассмотрим названные концепты сквозь призму метафор, что дают им наименования. Источником исследования послужат поэтические тексты известного белорусского поэта Рыгора Бородулина.

Анализ языкового материала позволит выявить механизмы, лежащие в основе модели жизненного пути. Исходным представлением для такой модели может послужить положение об ассоциативной связи слов в сознании человека и соответствующей связи содержания образов и знаний.

Жизнь представляється як путь, дорога: «Дарога, / Якую завуць жыццём, / Не спыніцца ні на імгненне. / Сабе падбірае святлейшае цём- / ная ноч найменне» [2, с. 246].

Дорога эта нелегкая: «На пакуты Бог душу пускае, / Каб хоць як сагрэць настылы дол, / Дзе пасеца чарада людская / І не пераскочыць частакол» (свернуть нельзя, ведь жизнь протекает в строго отмерянном пространстве и времени) [2, с. 169].

Жизнь оказывается сложным переплетением возрастных периодов и периодов социальной деятельности: *Як знічка, мільгане / Панечка маладоць / І маладзіца сталасць завітае, / І, ужо сама не надта гаманкая, / Прыцішыць баламутку Весялосць. / ... / У гмахх далягляду на страсе / Галосіць мройна певень прадчування . / Тым часам самаўпэўненая пані / Сябе й зняверанасць*

сваю нясе. / Садзіцца самаўладна на куце – / Хай рассыхаецца ў двары карэта. / І старасцю завецца пані гэта, / Прывабная ў апошняй пекнаце» [2, с. 254].

Жизнь разворачивается линейно, она путь, последовательный переход из одного состояния в другое: пани молодость – девушка, зрелость – госпожа старость. Глаголы, сопровождающие» эти периоды, характеризуются разной интенсивностью: молодость падающей звездой мелькнет; зрелость пожалует, успокоит; старость себя несет, садится, рассыпается. Молодость – кокетлива, зрелость – молчалива, старость – самоуверенна, властна, привлекательна.

Развертывание жизненного пути выражается языковыми средствами, которые отражают представления, закрепленные в сознании этноса, его культуры. Представления эти нам кажутся очень важными, так как они не только средство отображения окружающего мира для человека, но и программа его судьбы.

В тексте есть информация, не выраженная вербально, находящаяся во внутренней его структуре. Такая информация создает метасмысл, текст формируется фундаментальными имплицитными структурами: когнитивными схемами, матрицами, фреймами. Именно фреймы и сценарии позволяют носителям языка с разной степенью эффективности интерпретировать смысл, зашифрованный в тексте. Жизненные периоды «приходят» к человеку (в языковой сознания белоруса человек – мужчина) в образе женщины, околдовывают его. Очарованный тайной жизни (таинственность, непредсказуемость, непоследовательность – женские черты) человек встречает старость, привлекательную в прощальной красоте.

Все возрасты человека сосуществуют, существуют одновременно, так как разграничены между различными индивидами [1, с. 169]. У Р. Бородулина они даже не разграничиваются между индивидами, они составляют целостность, монолит личности: «Яны прылятаюць / Да кожнага ў госці, / Вяртаючы смех, / Даганяючы плач, / Сініца з маленства, / Жаўрук з маладосці, / Са сталасці – грак, / З небылосці – крумкач..» [2, с. 139].

Что такое «жизненный путь? Читаем в Бородулина: «На волю Бог адпусціць да пары. / Мудрэй, блазнуй, / Гавей ці разгаўляйся. / Пакуль растуць, / Нібы грыбы, сябры, / Над поўнай чаркай зману / Нахіляйся. І думай, / Што сабе ты гаспадар, / Што ты не абавязаны нікому, / Што цемра не затушыць / Твой ліхтар, / Што адуюць ты вернешся дадому. / І будуць пры табе твае гады – / Павадыры твае і хадатаі» [2]. По Жизненный путь – процесс включения человека в систему общественных отношений, смена способов жизнедеятельности, реализация и самоутверждение индивида.

Создание личной жизни – один из наиболее сложных видов человеческого творчества, а жизненные пути оказываются такими запутанными и извилистыми.

«Пра тыя крылы, якія раслі / У кожнага ад нараджэння. / Ды лёткія крылы / Цяжкімі былі / Для страху зямнога насення. / І свет абяскрыліўся, / І вакол / Бакі пралежваюць небасхілы. / І лётае той, / Да каго анёл / Аднойчы прыходзіць / Прымерыць крылы...» [2, с. 128].

До какой степени человек самостоятелен в выборе пути, где границы его свободы и воли, есть ли то, что не зависит от него, какие силы определяют направление пути? И что такое судьба?

Представления о человеческой судьбе разнообразны и иногда противоречивы. Как будто спор эпикурейцев и стоиков тянется и по сей день. Идея свободы человека как возможности самостоятельного выбора судьбы противопоставлена представлению о невозможности противостоять ей.

Судьба – это ход событий, который складывается независимо от воли человека, стечение обстоятельств: *«Я жыў, як мне дазволіў Бог»* [2, с. 141].

Судьба – это доля: *«Ані здярэш, як з дрэва кару, / З сябе наканаваную кару. / Падзякуй звышняму Гаспадару / За тую іскрынку жывога пажару, / Што запалала ў табе агнём / І немай жарсці й адчаю глухога. / Ідзі за лёсам, / Як цень за днём, / Каб не ўтравела / Сцежка да Бога!»* [2, с. 12].

Оказывается, доля не одна: есть земная и неземная, она предопределена и реализована. *«І зморшчынкі на тваім ілбе / Праклала сцежкі доля незямная. / Яна падказвае тваёй зямной / Азяблаі доли, / Як плягваць мрою. / Душа жыве забытаю маню, / Дрыжыць над кожнай звычайнаю старою»* [2, с. 148].

Судьба человека неслучайна, он ею наделен, судьбе необходимо подчиняться. Свою долю человек получает от рождения, ее нельзя избежать: *«Доля нас дзеліць / На лепшых і горшых»*, *«Шаноўны спадару Лёсе, / Нікому ў жыцці яшчэ / Цябе абыйсці не ўдалося, / Пакуль несупыннасць цячэ»* [2, с. 257]. При этом свою судьбу нужно искать, видеть ее, понимать: *«Калі рака разважліва глыбее, / Бліжэюць і цяплюць берагі (к человеку приходит зрелость), / І час вяртае / На свае кругі / Пазычаныя раніцай надзеі (он прощается с иллюзиями), / Тады вавёркай (мыслью) / З цеснага дупла (скованной привычками, стереотипами) / Душа захоча / Выскачыць на волю – / Пачуць нарэшце / І пабачыць долю (увидеть и понять свою судьбу), / Прымерыцца / Да новага жытла («освоить» судьбу)»* [2, с. 110].

Приходит осознание, что судьба не только фатум, но и развитие, дальнейшее существование, будущее.

Человек должен выдерживать удары судьбы, не быть слабым, не дать ей возможность себя «оплакать»: *«Дзеці застаюцца, / Каб бацькам / Болю і бяды*

не стала меней. / *Іржавець старым, / Як тым цвікам, / Што жыццё трымае / Мокрай жменяй* (судьба вольна делась все с человеком). / ... / *Застаюцца дзеці ды сябры, / Покуль застаемся мы сабою* (остаемся людьми, способными любить, дружить, чувствовать боль). / *Доля ўсё ўглядаецца саваю, / Дзе аплакаць / Дрэва без кары...* (не сможет оплакать, пока мы остаемся собой, держим свою «кору», защищены болью за самых близких, несем за них ответственность) [2, с. 17].

Изменения в лучшую сторону возможны в жизни позитивного человека, который обладает смелостью и решительностью, способен перейти от пассивного к активному формированию жизненного пути: *«Не забудзься, што кожны / Твой крок на прыкмеце. / Множ дабро колькі моцы, / Не лічачы множ. / Прышануй цішыню / Ё гэтым стомленым свеце, / Каб пачуць, як ступае / Гасподзь басанож»* [2, с. 135].

Человек не является свободным в выборе своего жизненного пути и реализации личной судьбы. И любая активность может привести к непоправимому, так как можно усугубить свою долю. Однако и пассивность осуждается: *«Апосталам балюча на зямлі, / Балюча й за бязмозглых, і за мудрых. / Як зняць з плячэй з бядою хатулі? (противится, противостоят беде) / Хто лёс праспаў свой, / Як спытаць, чаму дрых?»* [2, с. 147].

Человек может понять, осознать свою судьбу и добиться самореализации. Подобная жизненная позиция требует очень высокой степени ответственности, готовности принять все, через что придется пройти на пути к цели: *«Ці зважае на брэх прарок, / Што прыйшоў ратаваць ад аблуды, / ... / Ці зважае на смех прарок, / Што прыйшоў разбудзіць сумленне, /.../ Ці зважае на гнеў прарок, / Што прыйшоў разняволіць волю»* (Тот, кто пришел спасать, разбудить, освободить, будет осмеян, выслушает упреки и выдержит гнев, но его усилия не бессмысленны) / *За прарокам / Наколькі сілы / След у след ідуць небасхілы»* (небеса не поспевают за таким человеком!) [2, с. 146].

Индивидуальная судьба неотделима от судьбы этноса. Броуновское движение наших личных судеб сливается в общую национальную и единственную: *«Мы нясем свой крыж наканаваны (адзін на ўсіх), / Хто плячо падменіць (ніхто акрамя нас не вырашыць нашыя праблемы), Не чакаем. / Як ні душаць нас, мы не знікаем. / ... / Трэба – / Самі зробімся крыжамі, /... / У нябёсах душаў і ў паглядах / Беларусь – / Наш крыж наканаваны...»* [2, с. 149].

«Крыж – спынены вятрак / І ўсмешка руху, / ... / Крыж – скачанелы птах / І ўзмах сумневу, / ... / Крыж – гэта мы, / Што ўсё ўхапіць хацелі / І нецярпліва рукі развялі. / Але здранцвелі й ценямі ў быллі, / Дрыжэцьмем / Над сваёй глухой пасцеллю» [2, с. 182].

«Судьба относится к человеку так же, как земля, к которой его приковывает сила тяжести, но без которой, однако, ходьба была бы невозможной. Мы должны принять свою судьбу, как и землю, на которой мы стоим, – землю, служащую нам трамплином для нашей свободы. Свобода без судьбы невозможна; свобода может означать лишь свободу по отношению к своей собственной судьбе» [5, с. 22].

Література

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. 339 с.
2. Барадулін Р., Быкаў В. Калі рукаюцца душы... Мінск, 2003. 344 с.
3. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М. : Индрик, 2002. 336 с.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / О поэтах и поэзии. СПб, 1996. С. 18–252.
5. Франкл В. Психотерапия на практике. М., 1999. 256 с.

Запорожець О.С.

студентка магістратури

Мелітопольський державний педагогічний університет

імені Богдана Хмельницького

РОМАН ПРО МИТЦЯ В СУЧАСНОМУ ЛІТЕРАТУРНОМУ ПРОЦЕСІ

Анотація. *Простежено генезу роману про митця, з'ясовано його генологічну специфіку, акцентовано увагу на місці цього жанрового різновиду в системі епічних жанрів сучасного літературного процесу.*

Ключові слова: *жанр, роман, жанровий різновид, роман про митця, жанрова специфіка, модифікація жанру, «роман творіння».*

Жанрова класифікація роману досі лишається дискусійним питанням літературознавства, адже при вивченні специфіки будь-якого романного різновиду дослідники враховують чимало факторів. Так, надзвичайно важливим є звернення до його структури, проблематики, системи образів персонажів тощо. Г. Косіков зазначав, що пізнання особливостей світового історико-літературного процесу багато в чому залежить від розуміння жанрової природи роману [9, с. 45]. Тому слід зосередити увагу саме на романі як такому, спрямовуючи дослідницький вектор на визначення специфіки його як жанру.